

Надежда ШИШКИНА

НИАГАРА

В моих трамваях не встретишь красивых женщин.

Да и красивых мужчин не особо много.
Их заменяют порой красивые вещи.
Но я не верю вещам, как не верю в бога.
Особенно по утрам, еле встав с постели
и остро чувствуя фальшь в каждой минуте.
Целая жизнь, вместившись в одну неделю,
Зациклилась на одном маршруте.

Красивые женщины едут другой дорогой.
У красивых мужчин есть «Лексусы» и
«Феррари».

А моя трамвайно раскрашенная пирога
плывёт по моей асфальтовой Ниагаре,
искры стальным веслом высекая с визгом.
Взгляд отвожу от окна – мне сегодня надо
суметь не увидеть, когда я опасно близко
подплыву к своему Ниагарскому водопаду.

О ЛЮБВИ

Хочется проще, понятней, звонче... чуть-чуть
больней.

Но слова – как размокший хлеб, как сырая глина.
Получается то слишком зыбко, то слишком длинно,
но так не пристало писать о ней.

Хочется говорить о простых вещах, о быте, о доме.
О разбросанных майках и бокалах в губной помаде.
И так, чтоб у самой защемило – и соль во взгляде.
А выходит всё в сером дыму, в муторной полудрёме.

И всё куда-то наверх – к ангелам, к облакам,
к богу лично –
тянет, ниточку дёргает, вырывается из ладоней.
Хочется проще, жёстче и приземлённей,
а получается громко и ломко – по-птичьи.

*

Мы сидели на кухне, пили чуть тёплый чай.
Ты держал на коленях тетради прожитых лет.
И ручка в твоей руке, похожая на остриё меча,
оставляла на белой бумаге пурпурный след.

Мы сидели молча, казалось, уже века,
касясь друг друга кончиками ресниц.
Я смотрела, как мерно движет твоя рука
ещё безымянный мир по полям страниц.

И между пальцев жизнь прорастала ввысь,
врезаясь цветными листьями в потолок.
Величественно руки изгибалась кисть,
и взгляд метался, как радужный мотылёк.

Неровный почерк стелился морской волной.
Наполнялась продрогшим утренним светом
квартира.

И было счастьем – рядом сидеть с тобой
и наблюдать за сотворением мира.

ТЫ ВИДЕЛ?

*

Я вышла из дома – без цели,
пальто и перчаток.

И крошево льда выбивали мои
каблуки на замёршей дорожке.

И каждый мой шаг оставляя
на земле отпечаток

чуть глубже, чем в сонном рассвете
испуганный визг неотложки.

Я вышла из дома – под взгляды
бесстыжих созвездий,

забыв и ключи, и мобильный
в квартире, лишённой теней.

Теперь зимовать в незнакомом
холодном подъезде,

у старой двери, нарисованной мелом
на ветхой кирпичной стене.

Врастать незаметно в холодную серую кладку,
ощущая спиной за стеной
тепло одеял и перин.

Заметить случайно забытую кем-то перчатку
и думать, что кто-нибудь так же сейчас
у моей замёрзнет двери.

Приторно-сладкий дым и солёный свет,
зажатый в шести гранях прогорклый дым.
Скажи, ты видел небо действительно голубым,
не пропущенным через фильтр
всех твоих сигарет?

Вне этих окон – рассвет. В окнах – ничего нового.
Утро пахнет мёдом и апельсином.

Ты видел когда-нибудь море
действительно синим –
без примеси чёрного, красного и лилового?

Ты открываешь рот и роняешь на скатерть слово,
как хлебную крошку.

Или ты думал, что жизнь – это понарошку?

Поиграл – бросил, а если захочется,
можно начать снова?

Впрочем, не мне судить о твоих любовях,
о том, какие ты сам себе под кожу
вгоняешь стрелы.

Ты видел когда-нибудь снег
действительно белым,
без грязно-чёрствых пятен мочи и крови?

Ты видел когда-нибудь ночь
действительно тёмной,
без кислотно-неоновых язв и фонарной сыпи?

Угрюмо молчишь... Самое время выпить,
сердце, как зуб больной,
обмотать бичевой – и дёрнуть.